
ИНТЕРНЕТ КАК ЗЕРКАЛО РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Г.Н. Трофимова

Кафедра теории и истории журналистики
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Автор анализирует ситуацию, сложившуюся с культурой русской речи в Интернете, ее взаимосвязь с реальной действительностью, а также проблемы реализации русского языка в речевой практике массовой интернет-коммуникации с точки зрения формирования в России информационного общества.

Как известно, речевая деятельность — это реализация языка в различных ситуациях. В свою очередь, язык — это знаковая система, с помощью которой формируется речь. Как один из видов человеческой деятельности язык является составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной и т.д. Язык становится одним из сущностных признаков нации и в этом смысле глубоко национален. В то же время в каждом языке имеется значительный сегмент слов, обладающих интернациональными смыслами, которые объединяют различные языки и культуры.

Интернет тоже имеет не одно определение, так как является и новой информационной технологией, и новым, более совершенным средством коммуникации, и глобальным информационным пространством, и совокупностью размещенных в нем мультимедиа и текстовых фрагментов и блоков.

Если ранее шла речь об обособлении группы людей, пользующихся возможностями Интернета, то теперь очевидно, что интернет-пространство стало новой зоной присутствия всего человечества во всем его многообразии, в том числе языковом, культурном и т.д.

Поэтому расхожее мнение о «языке Интернета» весьма спорно и нуждается в разъяснении. В последнее время очень популярно мнение о том, что язык Интернета очень негативно влияет на русский язык. Однако никто при этом не берет на себя труд разобраться в том, что же это такое — язык Интернета.

Исходя из приведенных выше определений, можно выделить несколько подгрупп в этом неоднородном образовании.

1. Специфический подязык российских компьютерщиков, о котором говорит Е.Б. Русакова в своей кандидатской диссертации «Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование». Она вполне справедливо рассматривает компьютерный социолект как социально детерминированную подсистему общенационального языка, которая «включает в себя множество новообразований игрового характера, создающихся в полном соответствии с традициями народной смеховой культуры» [8].

---

* Статья написана в рамках ИОП.

2. Терминологическая группа лексики, слова которой мало изменяются и не имеют дополнительных иронических или иных коннотаций.

3. Молодежный компьютерно-сетевой сленг, в котором преобразуются некоторые слова и из терминологической группы, и из группы компьютерного социолекта.

4. Система сокращений, помогающих общаться быстрее, — приспособление письменной формы общения к высоким современным скоростям коммуникации.

Однако язык Интернета — это, во-первых, НЕ язык электронных средств массовой коммуникации, так как к электронным СМИ относятся и радиовещание, и телевидение; во-вторых, НЕ новый функциональный стиль или подстиль, относящийся к ограниченному кругу речевых ситуаций.

Что же так беспокоит общественность? Необходимо признать, что все выделенные специфические группы (1—4) не представляют для языка никакой опасности. Сфера их функционирования ограничена, и только журналисты в поисках новых образно-выразительных средств нередко злоупотребляют компьютерно-сетевыми «словечками», распространяя их на массовую аудиторию.

На самом деле в Интернете представлен весь русский язык в его лексическом, синтаксическом разнообразии, со всеми актуальными процессами, проблемами и особенностями, во всех речевых реализациях, так как день ото дня аудитория Интернета становится все более широкой и разнообразной. Не случайно, украинский исследователь Е.И. Горошко (не совсем справедливо определяя Интернет единственным средством электронной коммуникации) ставит вопрос о возникновении новой проблемной области знаний — лингвистики Интернета. «Основной целью этого направления должно стать описание и объяснение особенностей функционирования языка в Интернете с учетом сложного взаимодействия некоторого открытого множества факторов при изначальной включенности человека в социально-культурный контекст взаимодействия в Сети» [2. С. 223—237].

Многие из этих актуальных процессов, проблем и особенностей существовали и ранее, до интернет-эпохи в России (мы говорим о русском языке). Но, во-первых, Интернет распространяет все для всех (от всех — всем). Эта технология без ограничений в пространстве и во времени тиражирует и демонстрирует все подряд, что только туда попадает, и пока что никаких преград или ограничений для пути в Интернет практически нет.

Во-вторых, Интернет — это своеобразное увеличительное стекло, которое в силу своей инновационной привлекательности усиливает внимание ко всему, что там произносится.

В-третьих, Интернет — это и усилитель вкуса, этакий «глутамат натрия», который опять же из-за новизны ощущений придает особый вкус виртуальному контенту и делает его модным у аудитории.

Наконец, Интернет — это ускоритель, катализатор тех внеязыковых и языковых процессов, которые давно происходят в русском обществе. Сейчас в Интернете бурлит активная реакция: Я + информационные технологии. Бурление образует пену, которая видна всем. Но пена быстро исчезает.

Таким образом, нет особого языка Интернета, а есть новая сфера, среда функционирования языка, имеющая свои особенности, к которым язык и его носители должны приспособиться. Процесс приспособления идет не гладко (что понятно и вполне естественно). Русский язык уже пережил волну англицизмов, осваивается с системой сокращений, а последним напугившим явлением стал так называемый «язык падонкаф» или «олбанский».

Отвечая в ходе интернет-конференции на вопрос об этом явлении, Президент РФ Д.А. Медведев сказал, что развитие в Интернете новой языковой среды способно принести пользу для популяризации русского языка, а родившиеся при общении пользователей Рунета явления и персонажи, такие, как Медвед или «албанский язык», нельзя игнорировать. «Оно может нравиться, может не нравиться, но это существующая, живая языковая среда, основанная на русском языке, и чем шире она развивается, тем шире развиваются возможности применения родного языка», — сказал он [3].

Поскольку Медвед является персонажем рисованным, лингвисту хотелось бы более подробно остановиться на «олбанском» (так правильнее). Не касаясь общеизвестной истории появления этого «языка», перейдем сразу к его сути.

В «падонкофских» толковых словарях (например, <http://planeta.rambler.ru/community/pishipropalo/11400403.html>) насчитывается до 110 лексических единиц, из которых 80% — это слова и выражения, образованные от нецензурных (бранных) слов. (Бранная лексика — один из наиболее древних пластов русского языка.) 60% лексических единиц имеют дополнительные (а на самом деле главные) оценочные коннотации. Примерно треть — фразеологические выражения типа «афтар жжот». Распределение по частям речи следующее: 40 существительных, 12 глаголов, из которых только 5 выражают действие, 5 прилагательных, 30 (!) наречий, 2 числительных, 1 местоимение, 8 междометий. Также в словаре имеется 6 аббревиатур и заимствования — по 2 из английского и из немецкого языков. Языком это явление назвать не получается, так как общаться на нем нельзя и слова не несут смысловой нагрузки. Можно лишь оценивать что-либо, да и то в весьма ограниченном диапазоне по сравнению с русским языком в целом.

Что касается тенденции искаженного написания слов (например, «кросаф-чег»), то объяснить это просто тенденцией «как слышится, так и пишется» также невозможно. Ведь даже в приведенном в пример слове очевидно, что «о» в безударной позиции и озвончение согласной на конце слова — явления для русской фонетики чуждые, произносить так слова можно только специально, нарочито, неестественно. Как верно замечает М. Кронгауз, «язык падонков» к одному только издевательства над орфографией не сводится» [6. С. 129]. Как и любой сленг, этот прежде всего проводит границу между своими и чужими [6. С. 130].

Так что «язык падонкаф» — это не язык Интернета, да и вообще не язык. На этом «языке» невозможно разговаривать, так как понимание слишком затруднено. Это эпатаж, граничащий с хамством, являющийся результатом всеобщей либерализации. После знакомства с «языком падонкаф» хочется хорошенько вы-

мыть руки. Это зеркало нашей жизни, которое беспощадно и правдиво отражает все, «дабы глупость каждого видна была».

«Забавы с языком в Интернете, — пишет Илья Медовый, — напоминают комнату смеха. Когда вы смотрите в кривое зеркало, это ведь не влияет на ваш действительный облик. Так и здесь. Олбанский — лишняя возможность увидеть язык со стороны глазами человека, обладающего даром самоиронии, умеющего посмеяться и над собой и над своими недостатками, собственными ошибками и над собственной безграмотностью» [Цит. по 7].

К такому выводу пришли не только ученые, но и журналисты, которые в некоторой степени все же повинны в популяризации этого незначительного явления в жизни языка.

«Словом, неча на зеркало пенять — то бишь на Инет. Чего мы сами только не несем из своих малоразборчивых уст в сокровищницу великого и могучего, правдивого и свободного...», — вторит И. Медовому К. Исаков [4].

Наконец, значимо и мнение студентов: «Иногда это кажется забавным и напоминает детский лепет, временами же вызывает отвращение», «Когда я заметил, что оценки по русскому языку стали ниже, я сразу перестал употреблять слова из этого сленга».

Гораздо интереснее, на наш взгляд, обратиться к другой особенности речевой ситуации в Интернете. Это ситуация опосредованного, письменного общения, при которой значительно возрастает роль интерпретирования, дешифровки сообщения, так называемого соавторства. Здесь имеются две стороны. Во-первых, проблема активной фразеологизации языка и, во-вторых, сложности опосредованной коммуникации.

Как считает В.Г. Костомаров, «только Интернет, и то достаточно искусственно (пока?), создает реальные условия непосредственного общения: интернет-чаты, приближающиеся к собственно разговорным текстам, по многим параметрам все же отличаются от живого личностного общения (изучение их отличий — актуальная задача современной стилистики)» [5. С. 203].

В этом смысле особенно важна адекватная языковая и культурная подготовка собеседников. «Ведь «фразеологизация и символизация совершенствующегося языка позволяет создавать новые смыслы и «упаковывать» их в воспроизводимые словосочетания» [1. С. 54]. «В результате семантических переосмыслений появилось огромное количество новых логоэпистем (а каждая логоэпистема — результат облачения в языковую форму некоторой ментальной сущности, некоторого личностного состояния), обозначающих признаки, качества, свойства, предметы, события, ситуации... Язык все более символизируется, следовательно, развивается [1. С. 67].

Эти слова в полной мере относятся к функционированию языка в Интернете, еще раз подтверждая, что отдельного языка Интернета не существует, когда речь идет об Интернете как о виртуальном пространстве нашего реально языкового присутствия в нем.

По мнению Президента РФ Д.А. Медведева, Россия должна более активно входить в информационное общество. Однако среди ученых всего мира на сего-

дняшний день не существует единого мнения не только о том, что это такое, каковы его признаки, но и том, насколько позитивно движение общества в этом направлении. Так, один из исследователей различных теорий информационного общества Ф. Уэбстер считает, что интернет-среда представляет собой практическое воплощение некоторых теоретических представлений пионеров экологической науки, в частности П. Тейяр де Шардена, который в свое время заметил: «...Ноосфера стремится стать одной замкнутой системой, где каждый элемент в отдельности видит, чувствует, желает, страдает так же, как все другие, и одновременно с ними» [Цит. по 9. С. 28].

Другой ученый, Кастельс, подтверждает, что мы переживаем переход к «информационной эпохе», главной чертой которой становятся сети, связывающие между собой людей, институты и государства», но предупреждает, что «... ценой за включение в систему станет требование адаптации к ее логике, ее языку, ..., ее кодировке и декодировке» [Там же. С. 135].

Вопросы адекватности кодировки и декодировки также связаны с отражением в Интернете речевого поведения коммуникантов. С этой стороны, необходимо рассмотреть проблему опосредованности общения в Интернете. Конечно, опосредованность — явление не сегодняшнего дня. В коммуникации уже давно происходит замена «целого» человека в общении его «аспектом» или «частью» (голос, фото, текст и т.д.).

Все более популярными становятся каналы общения, оставляющие от «коммуникантов» лишь текстовые записи их посланий и имена тех, что говорит, причем и имена — тоже имитируются, так как заменяются псевдонимами.

Возможности современной техники вполне позволяют создать иллюзию живого присутствия собеседника, точнее его — правдивого или не очень — образа. Коммуниканты все чаще предпочитают форматы общения, обеспечивающие достаточно высокую степень отстраненности от процесса. За неполнотой присутствия в общении физического тела следует усиливающаяся ущербность психологического участия, отказ от эмоционального соучастия с целью гарантировать себя от возникновения эмпатии и снижения ответственности за результаты общения.

Средства коммуникации прячут человека за маской, которая может оказаться ложной. В Интернете такая ситуация стала обыденностью.

Возникает реальная опасность обесценивания сущности коммуникации, потери *человека* среди виртуальных персонажей и автоматических устройств.

И вот тогда зеркало под названием «Интернет» начнет показывать не реальную, а искаженную реальность, которую язык будет описывать также объективно и тщательно.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. — СПб., 2006.
- [2] Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. — Вып. 5. — Орел, 2007.
- [3] Интернет-конференция Д.А. Медведева // NEWSru.com // В России // 4 марта 2007.

- [4] *Исаков К.* Аффтара!!! На каком языке общается Рунет? // <http://www.vmdaily.ru/article.php?aid=32242>
- [5] *Костомаров В.Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. — М., 2005.
- [6] *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. — М., 2008.
- [7] *Медовый И.* Русский язык в комнате смеха. Стоит ли опасаться альтернативной грамоты Рунета? // «Трибуна.ру» 23.03.2007 г.
- [8] *Русакова Е.Б.* Русский компьютерный социолект: формирование и функционирование. — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2007.
- [9] *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. — М., 2004.

THE INTERNET AS A MIRROR OF SPEECH ACTIVITY OF A MODERN RUSSIAN SOCIETY

G.N. Trofimova

The Chair of mass communication
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklayay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The author analyzes the situation which has developed with culture of Russian speech on the Internet, its interrelations with reality, and also problems of realization of Russian in a speech practice mass the Internet-communications from the point of view of formation in Russia an information society.